

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА.
ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ

Модусы социокультурного развития

**СОВРЕМЕННЫЕ КОРРЕКЦИИ К ПОНИМАНИЮ
ТЕОРИЙ ДИАЛОГА И ИХ ПРИМЕНЕНИЯ
В ЖИЗНЕННОМ МИРЕ
(ОПЫТ СОЦИОЛОГИИ ПОЗНАНИЯ)***

Н.В. МОТРОШИЛОВА

Часть II

Аннотация

Во второй части статьи (часть I – ФН. 2017. № 2. С. 34–49) рассматриваются имманентные критические идеи и в рамках классических теорий диалога (М. Гаспаров, Ю. Лотман), и в специальной литературе последних десятилетий (Н. Автономова, В. Махлин). Дается критический анализ – как псевдиалога – практики современный политических ток-шоу с привлечением идеологически настроенных экспертов.

Ключевые слова: имманентный диалог, теоретики диалога о противоречиях и трудностях внутри их теорий, фальсификации и имитации диалога, псевдидиалог и современная эпоха.

Мотрошилова Неля Васильевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора истории западной философии Института философии РАН.

motroshilova@yandex.ru

Цитирование: МОТРОШИЛОВА Н.В. (2017) Современные коррекции к пониманию теорий диалога и их применению в жизненном мире (опыт социологии познания). Часть II // Философские науки. 2017. № 3. С. 23–37.

**1. Имманентная критика в рамках отечественных теорий
диалога советского и пост-советского времени**

Этот анализ здесь может быть только очень кратким, извлекающим из профессиональной литературы факты и аргументы, позволяющие установить: авторы исследовательских работ, составивших золотой фонд отечественных теорий диалога, были далеки от благодушия как в оценке работы, своей и своих коллег, так и в особенности при анализе того, как отзывалось слово, сказанное ими и коллегами, в жизненном мире.

* Часть I см.: Философские науки. 2017. № 2. С. 34–49.

При этом надо уточнить: критические суждения часто относились, скажем, не к «бахтинской классике», а к послебахтинской эпохе восприятия и истолкования изначальных теорий диалога. Но и к «классике» это тоже относится, что первостепенно важно. Ибо часто воспринимаемые в наше время как единый, однородный монолит «классические» концепции диалога реально составлялись — тоже по законам диалога — из разных «блоков», которые подчас возникали в явной или неявной полемике сторонников различных подходов к проблемам диалога. Я буду здесь отпирываться от имманентной критики в рамках теорий диалога, которую развивает тоже один из «классиков» в составе отечественных работ и дискуссий о диалоге, а именно М.Л. Гаспаров. Он отмечал: создатели «классических» теорий диалога чрезмерно увлекались усложненной игрой слов и образов. Это подчас отмечали и другие, причем самые доброжелательные их современники. Вполне точным представляется приведенное Гаспаровым суждение крупного отечественного специалиста (советского периода) в философии, истории и теории культуры А.В. Михайлова, который (следуя своей теории «обратного перевода») подчеркивал: наследие М. Бахтина подчас нуждается в переводе с русского языка... на русский! Одну из причин изощренной, усложненной бахтинской стилистики оправданно видеть в том, что сам Бахтин в книге о Достоевском обозначил как традиционное существование «стилистической бездны» — и не только между «верхом и низом», т.е. между народной и профессиональной «высокой культурой», но и (в нашем контексте это особенно важно) между «официальными», тем более официозными структурами идеологического сознания и неофициальной, поднадзорной, протестной культурой.

А вот в наше время самоцельная игра со словами и стилем — это настоящая болезнь. Многие специалисты (не только бахтиноведы, но и те, кто близко знаком с разбухшим комом пост-интерпретаций, соответствующих дискуссий о диалоге) дружно отмечают, подобно В.Л. Махлину: «...под угрозой забалтывания и подмены оказывается само существо... дела» [Махлин 2010, 335] (курсив мой. — Н. М.) — в данном случае важнейшего и так ярко начатого классиками теории и практики диалога. Нельзя не согласиться и с такой формулой В.Л. Махлина (тем более, что стиль письма у немалого числа современных «игроков» весьма сомнителен): «...особый и крайний бахтинский случай — выпадение из преемственно-общепонятных культурных контекстов и затекстов» [Махлин 2010, 343]. Имеется в виду, полагаю, встречающийся подчас у Бахтина нарочито усложненный, эзотерический стиль письма и анализа.

Стиль письма, конечно же, вообще неоднороден (так, у каждого автора, даже у того, кто обрабатывает, записывает чужие мысли, стиль по определению свой, даже тогда, когда он шаблонный). Но

есть особая проблема в случае теорий, идей диалога и особенно в дискуссиях о нем. Изошренность, особенно искусственная, подражательная, заведомая перегруженность многими знаниями авторов-участников обо всем на свете, вообще-то полезное, бьющее через край слово-термино-творчество и многое другое в конечном счете затрудняют понимание авторского текста. Всего сильнее бросается в глаза и становится контрпродуктивным, если и когда авторы вроде бы настаивают на необходимости и возможности *диалога*, но сами (часто подражательно) болтают о Другом (Других), вовсе забывая о том и о тех, кого они интерпретируют в особых случаях. Впрочем, таких особых и крайних случаев, как стиль (в широком смысле слова) Бахтина и его подражателей (все равно, удачливых или бездарных) в культуре великое множество (вспомним о «забалтываниях и подменах» в подражательной литературе о Хайдеггере, Деррида, Мамардашвили...). Положим, молодой автор в первых своих работах, понятное дело, хочет выделиться из потока литературы. В «диалоге о диалоге» отдельные авторы выбирают путь именно стилистического усложнения сути дела, с явным или скрытым намерением «повторить» бахтинский (или библеровский) стиль и т.п. На таком пути именно суть дела (которую обязательно и неупрошенно, полемично исследуют творцы теорий диалога) у немалого числа современных авторов, пишущих как бы о теории диалога, как раз и забалтывается (и это не только мое мнение). Главное же обвинение в адрес стиля, господствующего в необозримом сегодняшнем массиве литературы о диалоге, отечественной и зарубежной, в дебатах о нем — именно упомянутое В. Махлиным «выпадение из *преемственно-общепопятных культурных контекстов*». Что применительно к темам *диалога* звучит как серьезный укор, ибо означает даже как бы *запланированное отсутствие диалога в духовной коммуникации автора с читателями и слушателями*. И еще одно, и очень важное обстоятельство, характеризующее некоторые более поздние рецепции. «Мне всегда казалось, — писал М. Гаспаров, — что *последбахтинские рассуждения о диалогичности всего на свете — это непростительный оптимизм*. Каждый из собеседников по ходу диалога конструирует удобный ему образ собеседника; с таким же успехом он мог бы разговаривать с камнем и воображать ответы камня на свои вопросы... Максимум достижимого — это учиться языку собеседника; он такой же чужой и трудный, как горацевский или китайский»; цит. по: [Автономова 2014, 149] (курсив мой. — Н. М.) (1). Итак, хотя корифеями теории диалога делаются упреки в адрес скорее не самой оригинальной бахтинской концепции, а «последбахтинских» (я бы дополнила: «последиблеровских», «последлотмановских» и т.д.) рассуждений — в их «непростительном оптимизме», эти упреки, как отмечалось, задевают и «классику», «классиков» теорий диалога. Справедливы ли такие обвинения? Полагаю, что справедливы. Со-

шлось и на другие авторитетные суждения специалистов. Важно, что их авторы достаточно определенно указывают на *временные вехи размывания понятийных и методологических рамок термина “диалог”* в сравнении с тем, что имело место в работах самого Бахтина. Но иногда они ставят подобные изъятия теории диалога в связь с особенностями самих ранних бахтинских разработок. Это тоже считаю важным и ценным.

Так, Ю.М. Лотман отмечал, что в бахтинском наследии теории диалога были различные стадии и оттенки, которые всегда следует принимать во внимание и держать в памяти. Скажем, по Лотману, «научный гений М.М. Бахтина» осознал, поставил проблему диалога уже в 1920–1930-е гг., но «постановка этих вопросов еще не могла опираться в те годы на серьезную основу. Поэтому в работах Бахтина можно обнаружить *импрессионистскую манеру выражения*. Это подчас приводило к попыткам использования концепции Бахтина для *оправдания пустой эклектической болтовни, и таких примеров множество*» [Лотман 2002, 151–152] (курсив мой. – Н. М.).

Такого рода искажения начинаются, продолжает Ю. Лотман, например, тогда, «*когда у слова «диалог» отнимают его точное понятийное содержание*. Или тогда, когда его употребляют хотя и не догматически и не грубо, но уж в очень широком смысле. При этом *термин теряет свою научную строгость, содержащийся в нем концептуальный смысл*» [Лотман 2002, 151–152] (курсив мой. – Н. М.). Эти критические замечания – вплоть до огорчения по поводу *утраты смыслового содержания самого понятия «диалог»* – считаю совершенно справедливыми, относящимися и к нашим дням. Вот почему и в новейших рассуждениях о диалоге лучшие специалисты, знатоки этого материала, работают над укреплением понятийного каркаса теории и преодолением и сегодня широко распространенной «*эклектической болтовни*».

Н.С. Автономова в своей прекрасной книге, посвященной также и бахтинским разработкам, справедливо подчеркивала: «...рецепция Бахтина была разной в разные эпохи. Поначалу в 1960-е годы (вспомним, это годы «оттепели». – Н. М.) – безоговорочная эйфория. В 1980–90-е годы бахтинская концепция все больше разбухает под грузом *хаотически разросшихся интерпретаций*, не заботящихся о каких-либо критериях оценки своей достоверности. Как раз в этот период такому положению дел способствовали некоторые философские тенденции: в ситуации постмарксистского идейного разбора имя Бахтина стали использовать во всех антитеоретических и гуманистических контекстах, *не обращая внимания на специфику исследуемых при этом предметов* и совершенно упуская из виду те выводы, которые вытекали из конкретного материала» [Автономова 2014, 243] (курсив мой. – Н. М.).

2. Современные дискуссии о диалоге и теориях диалога

В мои задачи здесь не входит целостное рассмотрение современных дискуссий о диалоге, а также сугубо специальных попыток продолжить лучшие традиции отечественных и современных концепций диалога. Будут проанализированы две главные их тенденции, сложившиеся не вследствие каких-либо конкретных внешних запретов (скажем, не говорить хорошо или вообще не упоминать те или иные события, лица и т.п.). Будем иметь в виду не внешние факторы, не какие-либо количественные показатели, а *внутренние качества* процессов, которые в наше время именуются диалогами.

Имея в виду эти точки отсчета, поставлю вопросы, относящиеся и к практике, и к теории диалога.

– Можно ли говорить о продолжении традиций теорий диалога в современной гуманитарной культуре (включая философию)?

– Особый аспект – произошли ли те изменения к лучшему, которых требовали, ожидали «классики» теорий диалога? (Имею в виду не только тех отечественных корифеев теорий диалога, о которых чаще всего упоминалось в предшествующих разделах, но и широкую палитру творений авторов из разных стран, живших в разные периоды XX и XXI вв.).

– Состоялись ли коренные изменения к лучшему в осуществлении действительного социального диалога как внутри России, так и на международном уровне?

– Расширились ли *объективные исторические возможности* диалога людей – и как конкретных индивидов, и как граждан государства, как членов международных объединений?

– Расширились ли в XXI в. цивилизационные, общегуманистические предпосылки для реализации самых желаемых целей и возможностей диалога?

– Произошли ли к настоящему времени изменения в теоретических осмыслениях самого диалога, а если произошли, то каковы их смысл и качество?

Сначала, в ответ на эти вопросы, выскажу свое общее мнение (в дальнейшем постараюсь подкрепить его теоретическими и практическими доводами): несмотря на отдельные – по большей части чисто формальные, ритуальные сдвиги в социально-политической практике и отдельных стран, и человечества в целом, имеет место *регресс, откат* по сравнению с тем, чего удалось добиться человечеству во второй половине XX в., – увы! – после того, как свой бесчеловечный «анти-диалог» вели пушки, танки, самолеты, даже атомная бомба – разумеется, не они сами по себе, а люди, приводившие в их в действие.

Правда, именно во второй половине XX в. релевантные нашей теме позитивные изменения имели место – например, с точки зрения

свободы передвижения, свободы высказывать свои мнения, свободы высказывать неортодоксальные, протестные мысли.

Не буду касаться здесь — во всей целостности, противоречивости — дискуссионных вопросов о том, имел ли место как в интернациональных масштабах, так и в рамках нашей страны, произошли ли коренные изменения в сферах и теориях диалога — соответственно несомненно революционному развитию науки и техники (в частности средств общения, коммуникации). Наша конкретная тема: произошло ли повышение качественного уровня, содержания таких форм, как *диалог* отдельных людей, социальных общностей во всех их ипостасях (диалог поколений, диалог внутри тех или иных родов занятости и интересов и т.д.; скажем, подобный диалогу «физиков» и «лириков» в советские времена, сотрудничество-диалог ученых разных специальностей и т.д. и т.п.)? И здесь, как я думаю, при оценке конкретных ипостасей коммуникаций и диалогов, имеются все основания высказывать не просто сожаления, а испытывать ностальгию по тем удивительным процессам коммуникации и именно диалогического взаимодействия, которые случились, скажем, во второй половине XX в. По крайней мере, мой совсем не уникальный опыт взаимодействия с философами, коллегами с Запада и Востока, иногда представляется — непостижимо как возможным — феноменом развития науки и культуры, скажем, в 70–80-х гг. XX в. А мы еще и думали, что переживаем «очень трудные» времена и что должны же когда-то раскрыться богатые возможности, в том числе и диалога... Это и понятно: люди, живущие в ту или иную эпоху, не учитывают возможностей все еще очень трудных, но совсем не «крайних» социально-жизненных форм и устроений, внутри которых все же оказываются возможными содержательные коммуникации, в том числе диалога, например, в сферах науки и культуры (причем как внутри страны, так и в интернациональном контексте).

И все же есть феномены — по крайней мере теоретического характера, — которых при объективном исследовательском взгляде нельзя не видеть и которые в целом радуют.

3. Теории диалога: «классика» и современность

Здесь сначала выражу свое общее мнение о теоретической стороне дела — оговорив, что не могу здесь выступать как знаток в узком и сугубо специальном смысле и классических теорий диалога, и их современных продолжений (правда, для суждений о теперь уже поистине необозримой литературе вопроса требовалось изучить хотя бы наиболее значимые образцы этого рода).

Из ознакомления с такими лучшими, по моему мнению, исследованиями возникает общее впечатление, что традиции теорий диалога находят и сегодня добротное продолжение.

В целом считаю возможным утверждать, что в нашей стране и в мире в целом существует — и к настоящему времени как бы образует целую специализированную «библиотеку» — обширная, притом высококлассная или просто добротная литература и о теориях, и о социальной проблематике диалога. Это относится и к недавним работам (2).

Покажу это на конкретном примере вышедшей в 2010 г. книги «Михаил Михайлович Бахтин» (РОССПЭН, 2010 — под редакцией В.Л. Махлина). Эта высококлассная работа — в распоряжении читателей. Поэтому я не собираюсь ни писать о ней рецензию, ни делать обзор ее проблематики.

Я намереваюсь — но только, так сказать, «пунктиром» — ответить на ранее поставленный вопрос о том, существуют ли, причем и в России, и за ее рубежами, продолжения и продолжатели традиций теорий диалога, заложенных именно отечественными учеными.

Почему книгу, вышедшую несколько лет назад, можно считать одним из свидетельств того, что авторы различных подходов — и важно, что не только позитивно, толкуют во внутреннем диалоге (подводя итоги, обобщая и расширяя фактическую базу, относящуюся к становлению бахтинских идей) — не просто оживляют важнейшую традицию, но вносят вклад *в современное развитие идей диалога?*

Скажу о главном: подводятся итоги — в сопоставлении различных подходов и к теме диалога, и к идеям, концептуальным решениям Бахтина, но одновременно высвечиваются многие конкретно-исторические характеристики того социально-исторического, причем как общего, так и конкретного (для культуры, духовных сфер) контекста, в котором возникали и все же сохранялись, развивались идеи и концепции диалога. Конечно, Бахтин как особая личность, как в объективном смысле духовный центр этой работы — главный герой книги (для моей концепции, изложенной в этом тексте, я находила множество конкретных подкреплений и живых иллюстраций).

Важнейшим и ценнейшим первым ярким отличием книги можно считать интернациональный состав ее высокопрофессиональных авторов — с участием видных зарубежных исследователей творчества Бахтина, работы которых (что важно — в диалоге подходов) отвечают всем современным критериям научности.

Второе отличие: нет безоглядного культа Бахтина, нет и следа того «модного забалтывания» темы диалога, которое — по контрасту — демонстрируют некоторые ходячие разновидности его восприятий в жизненном мире пост-советского времени.

А теперь — кратко (как часть ответа на поставленный вопрос: что крайне огорчает в дискуссиях о диалоге и теориях диалога пост-советского времени?) о многочисленных «шумах» и имитациях, связанных с идеями и практикой диалога.

4. Современные профанации общественного диалога: истоки и формы

Прежде чем (сжато) раскрыть тему, считаю необходимым и важным сказать о том, почему эти псевдоуровни не только сложились, но и нередко именно сегодня ложно объявляются одним из признаков демократичности или начавшейся демократизации того или общества.

Причин здесь немало, и они имеют объективно-исторический характер. Говоря кратко об одной стороне дела, в современных условиях социально-политическая жизнь в гораздо больше мере, чем в прежние времена и эпохи, зависит от умонастроений, поведения широких масс народа (как внутри государств, так и на интернациональном уровне). Соответственно существуют как уже традиционные, так и вновь внедряемые демократические – по крайней мере, по целям и форме – процедуры социальной жизни и соответственно повышается значение всех возможных воздействий «мнения народного», на все, по сути дела, сферы жизнедеятельности широких, именно народных слоев населения земли. Это вполне понятно: ведь народ в широком смысле одновременно включает и покупателей всяческой продукции, избирателей, реальных исполнителей всех жизненно необходимых функций; они же – солдаты армий, служб поддержания порядка. Одним словом, массы народные практически и составляют, что общепонятно, основу, фундамент всей общественной целостности (и реальный объект управления).

Здесь нас и будет интересовать конкретная группа вопросов, касающихся именно общественного диалога и сконцентрированных главным образом на теме его профанации.

Профанация диалога народа и власти

Еще в XX в. возникли, причем во всех технически и социально продвинутых странах, государственные или частные институты, особой, во многом специализированной и регулярно исполняемой функцией которых стали так называемые опросы общественного мнения, их обобщения и сообщения «заказчикам», а также (дозированно и в «разрешенной форме») самой «общественности». Другое дело, что на разных этапах истории они же или новые, специально для того создаваемые «службы» и фирмы стали «профессионально» заниматься фальсификацией общественного мнения (по принципу: «как вам подсчитать?»).

Широкое распространение, особенно в последние десятилетия, получили телевизионные ток-шоу, регулярно проводимые многими телестудиями современного мира. Все это явления повсеместные и широко известные.

Важно осмыслить объективные причины интереса публики и направленных усилий организаторов подобных «форумов» и мероприятий

(тем более что на их создание и распространение в принципе тратятся довольно-таки значительные — больше бюджетные, но также и частные — средства).

Немаловажная именно для нашей темы общая причина состоит в том, что как объективные феномены «общественного диалога», так и само понятие диалога (под влиянием многих теоретических и практических факторов, процессов) сделались уже в XX, а потом в XXI в. одной из главных ценностей социального и индивидуального формата. Это одна сторона дела. Другая же состоит в том, что — как бывает со всеми ценностями, и индивидуальными, и духовными — к нашему времени успешно существует, разрастается целая «индустрия» подделок под диалог, которая располагает большими средствами и солидными «группами поддержки». В общей форме правомерно утверждать: для государственной власти (что относится, хотя и с вариациями, к разным ее цивилизационным историческим формам и к разным странам, регионам мира) одной из задач чем дальше, тем больше становится учет народного «мнения». И (еще до разбора темы фальсификаций) следует учесть реальные и в целом необходимые причины, в силу которых государству, его институтам и самому народу объективно важно и интересно учитывать общественное мнение. И это уже давно осознанная историческая потребность (3). По ходу развития истории эта тенденция приобретала все большее значение и все настоятельнее объективировалась, осознавалась. Но что делается именно сегодня для действительного диалога власти с народом? Чем дальше, тем более сомнительным становится то, что здесь — реальный факт жизни современных обществ разного типа, а также цель, забота власти.

Даже если предположить, что власти предержавшие (по тем или иным причинам) *хотят знать* о действительном разбросе «мнений народных», из этого вовсе не следует, что они слышат голос населения своих стран (и других государств) и все делают во имя диалога с действительно широкими слоями и своих, и зарубежных государств.

Но ведь тогда отсутствует главный признак и исходные условия, в соответствии с которыми и определяют, действительно ли имеет место диалог или он подменяется его имитациями, профанациями. А они — в этих своих качествах — достаточно легко и точно опознаются группами населения, как и народом в целом. Ибо одна сторона (массовая) все-таки и как-то высказывается, пусть через своих представителей, надеясь на диалог. А другая сторона заранее знает, что диалога-то не будет и (ею) не предусматривается.

Ситуация в итоге складывается остро противоречивая. С одной стороны, для властных структур разного уровня вроде бы и важно узнать, что в своей массе «думает народ». Поэтому во всем современном мире привычно проводятся и обобщаются опросы общественного мнения; для этой деятельности в принципе требуются соответствующи-

щие специалисты высокого класса (4). Далее, во всем мире проводятся выборы, голосования, референдумы, дебаты, которые считаются неотъемлемыми признаками демократии.

С другой стороны, возникают многие основания для сомнений в том, что в современных условиях уже сложившиеся (и модные сейчас) формы можно считать формами реального диалога народа и власти. Да и увидеть здесь именно *диалог* различных участников социально-политических процессов тоже затруднительно.

Остановимся на этой стороне дела.

Есть большие сомнения относительно того, что из опросов (даже и относительно достоверных) в самом деле возникает *диалог* народа и власти, а также борющихся в обществе активных социальных сил. Трудностей именно в современных условиях более чем достаточно. И они впрямую влияют на саму возможность социального диалога как такового.

Они ясны, понятны:

— возникает первый жизненный вопрос: могут ли, хотят ли, не бояться ли люди высказать то, что они действительно думают о власти (властях);

— вторая проблема: будут ли результаты опросов, голосований и т.д. объективно, профессионально, честно, без подделок, фальсификаций сообщены народу (и даже самим «верхам»);

— третий, фундаментальный практический фактор: сомнительно, вступит ли власть в *действительный* диалог с народом, в какой-то мере периодически в самом деле узнавая о суждениях, мнениях, оценках больших масс и представительных групп населения? Станет ли власть оперативно, практически *реагировать* на «мнение народное», прежде всего исправляя серьезные ошибки в своих программах и конкретных системах действий?

Вряд ли требует конкретных доказательств то, что многочисленные обоснованные сомнения (а они имеют общецивилизационный, глобальный характер) ставят под вопрос само существование — на последнем витке развития цивилизаций — реальных, эффективных социальных диалогов разного уровня.

Как бы (als ob) диалог

В разных странах с проявлениями демократии отождествляют *как бы гласные, как бы «объективные» ток-шоу* — как бы с выражением несходных, в том числе противоположных мнений. Уже сложились, притом по всему миру, типовые формы их организации и проведения. Каковы же они?

Действуют, работают — причем ежедневно — специально подготовленные ведущие; это и известные люди, и относительно новые для публики лица. Они предварительно просеивают документы, сведения и т.д., формируют аудиторию. Характерно, что аудитория составля-

ется — в ее первых рядах (5) — из тех, кого приглашают именно для выступлений. Замечено, что в большинстве случаев это проверенные и «доверенные» люди, отчасти специалисты по разным обсуждаемым вопросам. И ходят они на ток-шоу повседневно, как на работу. Да ведь теперь это и есть их, наверное, главная работа — говорить то, что в конечном счете будет одобрено властями; она, можно предполагать, хорошо оплачивается. Поскольку эти люди получили какое-нибудь (иногда добротное) образование (и по преимуществу сформировались как политологи), постольку они к тому же нередко руководят какими-либо звеньями официальных, институционализируемых структур, то публике подчас преподносятся и вполне интересные, релевантные теме мнения. Процедуры отбора главных ораторов тем самым известны и существенно упрощены. (Как и обеспечена возможность для одних и тех же лиц в один и тот же день участвовать в разных программах.)

Слой более или менее грамотных, красноречивых политиков разных рангов (в том числе депутатов — т.е. самих представителей власти), но с репутацией и функциями экспертов обязательно представлен в таких ток-шоу. Они нередко (конечно, не всегда) выступают грамотно, по делу — цивилизованно, не агрессивно. Главное же требование для их отбора и участия: суждения ораторов не должны ни в коем случае выбиваться из ряда официальных, даже официозных подходов, точек зрения по обсуждаемым вопросам. К тому же ведущие бдительно следят за тем, чтобы разговор в целом протекал по нужному руслу и в заведомо запрограммированной тональности.

Вместе с тем возникают некоторые новшества: казалось бы, в отечественных ток-шоу бывает представлена другая по отношению к официозной сторона в диалоге. А именно: найдены и тоже сделаны повседневными «работниками» (как правило) иностранные участники, о которых заведомо известно, что они — антироссийски настроены (политологи, журналисты). Можно подумать: какой прогресс! Ведь участвуют в наших ток-шоу не просто инако-мыслящие, а противонастроенные ораторы. Но они, что важно, не наши... При этом заботливо отбираются именно идеологи. Далее, их, разумеется, заслушают, но долго говорить не дадут (6).

Подобные формы псевдо-диалога распространены, как сказано, по всей земле и гнездятся вокруг всех без исключения сколько-нибудь значимых внутригосударственных институтов малых и больших стран, а также на международном уровне. Главные «спикеры» таких якобы форумов, как правило, хорошо известны властям и бывают властью щедро подкормлены (созданием — под их началом — «институтов», «советов», политических структур). Нередко это, кстати, неплохие знатоки, специалисты в разных гуманитарных областях, работающие, в принципе, не грубо, ссылающиеся на умело сгруппи-

рованные «факты» (на те же «опросы»), но все же в итоге говорящие лишь о том, что приемлемо для властей (пусть иногда в более «либеральной», «свободной» тональности).

А что же имеет место, что называется, в итоге? На фоне обострения буквально всех внутренних и международных разногласий, стремительной политизации и идеологизации индивидуальных и групповых суждений, оценок, выводов — сами объективные возможности подлинных диалогов сжимаются, как шагреневая кожа, причем именно в условиях объективной, как никогда настоятельной затребованности продуманных, осмысленных, действительно согласованных со своим народом, с народами мира идей, понятий, решений.

Профанация диалога есть одновременно прием и следствие утверждения (по всему миру) практики профанаций или просто *предотвращения содержательных обсуждений как способа подготовки подлинно демократических решений*; чаще всего они служат для канализации всякого протеста, а то и затаптывания его ростков. Сегодня по всему миру (кроме стран с откровенно террористическими режимами) это чаще всего делается не с помощью прежних грубых приемов прямых репрессий, преследования «врагов» власти (а часто и «назначенных» таковыми). Профанация в том, что по всему миру разыгрываются *спектакли как бы гласных предварительных обсуждений* тех или иных решений. Для этого создаются специальные сайты-зачывалки («Ваше мнение интересует нас...»). Приглашаются — иногда в государственные организации — настоящие эксперты; те нередко принимают и воспринимают приглашение всерьез — с намерением содержательно обсуждать проблему. При этом, как правило, присутствует какой-нибудь высокий «зам» (но и он, открывая обсуждение, потом уходит, если не убегает, оставляя референта; а тот «отдувается», иногда спорит — по большей части некомпетентно — с экспертами.

Если и когда присутствуешь на таких обсуждениях, не покидает впечатление: тебя пригласили именно на псевдиалог, на один из небольших спектаклей, необходимых власти, чтобы чиновники могли отчитаться перед начальниками более высокого уровня и, если потребуется, перед публикой в том, что проведены, дескать, «широкие публичные и экспертные обсуждения».

Реальное положение дел и было «талантливо» выболтано одним из петербургских чиновников от образования. К нему пришла группа студентов, аспирантов, молодых ученых с протестом против предполагаемого кардинально неприемлемого для них готовящегося административного решения. (Кстати, утечку предварительной информации о таких решениях допускает сама власть, ибо ей выгодно заранее выявить — и несогласие, о котором они уже хорошо знают, а некоторые чиновники и реалистично прогнозируют, и конкретных несогласных...) Ребята сказали чиновнику, что будут открыто, гласно

протестовать. Тот ответил: «Конечно, протестуйте — открыто, гласно, энергично. Но учтите: вопрос уже решен!»

Бывают и такие предварительные «акции»: самый большой начальник с наилучшими намерениями отдает распоряжение — провести общественное обсуждение. Вот ему и рапортуют, что распоряжение выполнено... Сколько пустых, а то и *вредных для дела* чиновных документов прошло в России через такие «обсуждения», из которых чиновники-авторы если и принимают какие-либо поправки, то мелкие, незначительные — даже в случаях, когда приглашенные эксперты (чье мнение даже фиксируется где-то на промежуточных сайтовых сообщениях) единодушно забраковывают через акты чиновного как бы «творчества»...

Общая формула проведения таких псевдиалогов: формальное «допущение», даже инициация более широких «разговоров» — на фоне существования заведомо приемлемых для устроителей и даже уже *принятых* решений, документов. С одним, по крайней мере, существенным уточнением: решения готовятся и предлагаются верхам «ближним кругом» помощников, референтов, текст-райтеров — часто некомпетентных, а то и просто неподготовленных к той роли, которая вследствие сплетения многих внешних, не относящихся к сути дела факторов, выпадает на их долю. (Характерно: на подготовительных обсуждениях эти теневые «текст-райтеры» частенько и выслушивают, вроде даже и фиксируют суждения экспертов... чтобы выгодным для них образом отрапортовать начальству, что они думают обо всех этих занудливых ученых экспертах, а то и просто зафиксировать имена несогласных...)

Общая высокая социально-историческая цена полного отсутствия, ибо профанация содержательного диалога с властью на разных его возможных уровнях ясна и постоянно выплачивается и объективируется, главным образом в близком или отдаленном историческом *post factum*. Это прежде всего — на высоком интернациональном уровне — неспособность приставленных к этому людей и групп действительно управлять историческим движением современного мира именно на началах мира, повышения согласия и взаимодействия как внутри стран, так и между ними в сложнейшем, грозном современном мире. А здесь ведь не просто угроза повседневной жизни, элементарному благополучию, здоровью, качеству этой жизни, ее содержанию. Главное следствие: не только не ликвидируются, а «анонимно» перелаживаются на будущее человечество (конкретнее же, на наших детей и внуков) все *угрозы самой жизни и ее сохранению на нашей планете*. И тем самым к концу XX и в начале XXI в. по всему этому нанесены роковые удары как раз из-за того, что в согласии найденные, так или иначе закрепленные после Второй мировой войны формы, принципы, ценности — тогда с учетом опыта, миллионногого «мнения

народного» – перечеркиваются как изуверскими, варварскими «антиценностями», так и некомпетентными и одновременно агрессивными «верхами» разных уровней. Что они и их многочисленная идейная, «духовная» (вернее, бездуховная) служба хорошо освоила, так псевдо-«техники», псевдоприемы. А описанным псевдодиалогам, в «системе мер», проводимых властями всего света, принадлежит поистине центральная роль.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ М. Гаспаров, правда, написал это в личном письме к Н. Автономовой, что, конечно же, не отменяет высокой значимости его суждений.

² Сюда относятся: Хроника основных событий жизни и деятельности М.М. Бахтина, библиография – с указанием относительно свежих работ и т.п.

³ Вспомним удивительно современно звучащие слова Пушкина, вложенные им в уста Бориса Годунова, о том, что государственная власть сильна «мнением народным» (если, конечно, она это «народное» мнение учитывает).

⁴ Не будем вникать в сложный вопрос о том, как службы опросов возникали даже в жестких условиях советского времени, как социологи сумели создать их и в нашей стране – что подразумевало их борьбу со многими препятствиями для с трудом пробивавшей себе дорогу профессиональной социологии.

⁵ Еще имеется аудитория второго ряда, которая в нужных случаях аплодирует ораторам.

⁶ Господствует один типичный прием: негодные мнения другие ораторы (от слова – оратор) просто забывают; и выдвигаются особые “специалисты”, способные перекричать, перебить (они перебивают, перекрикивают и друг друга...).

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Автономова 2014 – Автономова Н.С. Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров. – М., 2014.

Лотман 2002 – Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. – СПб., 2002.

Махлин 2010 – Махлин В.Л. Замедление // Михаил Михайлович Бахтин / под ред. В.Л. Махлина. – М.: РОССПЭН, 2010.

**CONTEMPORARY CORRECTIONS TO UNDERSTANDING
OF THEORIES OF DIALOGUES AND THEIR IMPLEMENTATION
IN “LIFE WORLD”
(EXPERIENCE OF SOCIOLOGY OF KNOWLEDGE)***

Part II

N.V. MOTROSHILOVA

Summary

The article considers the immanent critical ideas and theories of dialogues (M. Gasparov, Yu. Lotman) as well as the special literature of the last decades

* Part I see: Philosophical Sciences. 2017. Vol. 2, pp. 34-49.

Н.В. МОТРОШИЛОВА. Современные коррекции к пониманию теорий диалога...

(N. Avtonomova, V. Makhlin). It also critically considers a praxis of the contemporary talk-shows with the participation of ideologically oriented experts.

Keywords: immanent dialogs on the contradictions in the field of the dialog theory, quasi(also)-dialogue, pseudo-dialogue and contemporary epoch.

Motroshilova, Nelly – D.Sc. in Philosophy, Professor, Main Research Fellow at the Department of the History of Western Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

motroshilova@yandex.ru

Citation: *MOTROSHILOVA N.V.* (2017) Contemporary Corrections to Understanding of Theories of Dialogues and their Implementation in “Life World” (Experience of Sociology of Knowledge). Part II. In: *Philosophical Sciences*. 2017. Vol. 3, pp. 23-37.

REFERENCES

Avtonomova N.S. (2014) *The Open Structure: Yakobson – Bakhtin – Lotman – Gasparov*. Moscow, ROSSPEN [Russian Political Encyclopedia] (in Russian).

Lotman Yu.M. (2002) *History and Typology of Russian Culture*. Saint Petersburg, Iskusstvo–SPB (in Russian).

Makhlin V.L. (dir.) (2010) *Mikhail Mikhailovich Bakhtin*. Moscow, ROSSPEN [Russian Political Encyclopedia] (in Russian).